АРМИН ПРОЙСС

ХАННА РАИЧ

ЖИЗНЬ НЕМЕЦКОЙ ЛЁТЧИЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ханну Райч отличало ее участие в сфере, которая до тех пор оставалась прерогативой мира мужчин. Своими дерзкими полетами и испытаниями на службе отечеству она представляет собой тип, который существенно отличается от «карьерных» дам либеральной эры. В ее жизни не было эгоизма, а была лишь служба общему делу. Не было стремления к счастью или ожесточенной борьбы за престиж и деньги, а было в наивысшей мере исполнение своего скромного, бескорыстного долга.

Перевод с немецкого. На русском языке публикуется впервые!

-
- Часть 1: Прелюдия.
- Часть 2: Девушка становится планеристкой
- Часть 3: Планеристка в зарубежной экспедиции
- Часть 4: Летчик-испытатель гражданских и военных самолетов
- Часть 5: Полеты в Америке и Северной Африке
- Часть 6: Испытания с грузовым планером
- Часть 7: С Риттером фон Граймом в России
- Часть 8: План самопожертвования
- Часть 9: С особым заданием в Берлин
- Часть 10: Последние дни
- Часть 11: Послесловие

Часть 1: Прелюдия.

Двадцать шестое апреля 1945. Окруженная Красной армией столица империи после бесчисленных бомбардировок союзников и под неистовым ураганным огнем русских батарей представляет собой только лишь дымящиеся груды развалин. Посреди этой

адской картины, внезапно, как заблудившаяся в буре птица, прямо возле Бранденбургских ворот приземляется пробитый во многих местах обстрелом с земли самолет Физелер Шторьх («Аист»). Маленькая, хрупкая женщина выходит из машины. С большим трудом ей удается вытащить из самолета раненого, почти потерявшего сознание генерал-полковника Люфтваффе. За нагромождeнными бетонными блоками они ищут защиту от вражеского огня. Им кажется, что проходят часы посреди окружающего их ужаса, пока, наконец, не появляется одинокий немецкий автомобиль и забирает обреченных. Под обстрелом советской артиллерии они, повинуясь приказу, едут навстречу своей цели: для доклада Гитлеру в «Фю-рербункере» Имперской канцелярии…

Часть 2: Девушка становится планеристкой

Родным городом Ханны Райч был живописный Хиршберг в Силезии, притаившийся между Исполиновыми и Кацбахскими горами. Ее отец был окулистом, мягким, художественно одаренным человеком и страстным виолончелистом. Мать, с которой у Ханны были особенно тесные отношения, происходила из тирольской дворянской фамилии. Дети могли, таким образом, ради шутки называть себя «тирольскими пруссаками».

Это было счастливое детство. Игра на виолончели каждый вечер в музыкальном салоне способствовала чувству защищенности в родном доме. Все же, семейное счастье обеспечивала только мать с ее всегда веселым и уравновешенным характером, благосклонная и умная, «любящая, терпеливая и никогда не устающая, утешающая и воспитывающая», как описывает ее Ханна в своей автобиографии «Полеты — моя жизнь». Она превосходно умела обогащать жизнь своих детей, с раннего детства передавая им способность чувствовать природу, цветы, птиц, звезды…

Мать формировала в Ханне и ее братьях и сестрах справедливое и заботливое отношение к своим ближним. «Приветливость к каждому», так записывала он слова Мольтке в свой дневник, «это первое правило жизни… Скромность и непритязательность — это истинная защита против обид и унижений этого мира».

Отец, врач по внутреннему призванию, очень известный и всеми любимый за свое дружелюбие и готовность помочь, передал детям ярко выраженное чувство собственного достоинства. Честь была для него основным элементом человеческого существования, настоящая прусская позиция.

Среди своих братьев и сестер Ханна была самым чувствительным ребенком, к тому же очень живой и одаренной богатым воображением. С самого детства будущую летчицу привлекала высота. Она часто делала свои домашние задания не за столом, а в кроне дерева. Она была спортивной и не боялась высоты.

Ханна училась легко, но никогда не была образцовой ученицей. Она любила школу, одноклассниц и учителей, особенно своего учителя музыки Йоля, передавшего ей маленькую сокровищницу самых прекрасных песен. Таким образом, школа и родной дом превосходно дополняли друг друга.

И еще одному учили ее как школа, так и родной дом: любви к отечеству. С помощью обмена учениками с иностранными школьниками родители способствовали у них развитию общительности и непредвзятости. Но именно за границей они должны были испытывать подлинность своей любви к отечеству.

Из-за живости и озорства Ханне в школе иногда делали замечания, которые вносились в классный журнал. Когда она впоследствии после награждения Железным крестом стала почетной гражданкой Хиршберга, и ее ставили в пример школьникам как образец усердия и поведения, любопытные ученицы к их радости нашли эти замечания при перелистывании старых классных журналов. Все же, у школы было чувство юмора. Неприятные страницы были переданы Ханне на память.

Сказки и наблюдения над природой, в сочетании с детской фантазией, рано породили в Ханне желание стать врачом религиозной миссии, причем летающей. Ее родители надеялись, что это намерение со временем изменится. Но желание летать росло в ней дальше вплоть до такой страсти, от которой она уже никогда больше не освободилась.

Ее отец попытался использовать маленький трюк. Он обещает ей, что если она больше ни словом не упомянет о полете до получения аттестата зрелости, то в качестве вознаграждения она сможет принять участие в курсах планеристов в Грунау. Тайная надежда отца не исполняется. Ханна уже в пятом классе показывает, что обладает необычной самодисциплиной и целеустремленностью. В ее руки попадают «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, и с их помощью она с юным усердием принимается за воспитание своей воли. Она также учится молчать.

Когда она выдержала экзамен на аттестат зрелости, ее отец хочет в награду подарить ей золотые часы. Но Ханна отвергает часы и напоминает ему об обещании. До начала учебы она идет, в соответствии с желанием родителей, учиться в колониальную школу в Рендсбурге, прямо на берегу канала Кайзера Вильгельма. Врач миссии должен был знать также эту практическую сторону своих заданий.

После разнообразных забавных событий — ей, например, пришлось кормить всевозможный мелкий скот, в том числе, также агрессивных свиней — наконец, на осенних каникулах ее горячее желание осуществляется: учебный курс в школе планеристов в Грунау. На горе Гальгенберг она под руководством Пита фан Хузена впервые взбирается в открытую кабину планера «Grunau 9».

Ханну, с ее ростом всего 1,54 м и весом едва ли 45 кг,

крутящиеся вокруг ребята встречают несколькими насмешливыми словами. И при первой попытке все срывается. Сначала она тянет планер слишком круто наверх. Потом, чтобы выровнять его «вознесение», снова слишком круто вниз. Получается совсем не мягкая посадка. Ремни разорваны, но все же, к ее большому счастью, сам планер остался невредимым. Девчонкам лучше всего было бы оставаться за кастрюлями, кричат мальчишки. Это она еще могла перенести. Но взбучка Пита фан Хузена за ее непослушание заставляет ее содрогнуться: «Непригодна к полету, три дня запрета на старт!» До вечера она абсолютно подавлена. Но потом появляется упрямство. Она им еще покажет!

За показавшуюся ей почти бесконечной следующую ночь она почувствует, что главнейшей заповедью полета является следование всем правилам с предельной точностью. Только этому, вошедшему ей в плоть и кровь правилу она, пожалуй, была обязана тому, что она и потом на войне пережила даже самые отчаянные эксперименты. Но сначала должно произойти что-то, чтобы доказало бы разозленному Питу фан Хузену, что для нее полеты — это очень серьезно. В своей комнате она ищет трость, которая может послужить ей рычагом управления. С ее помощью она час за часом разучивает в кровати все необходимые для управления полетом движения, пока не овладеет ими как во сне.

Ее ночные домашние задания оправдываются. Несколько позже слушатели курсов стартуют для сдачи «экзамена А». Полет Ханны становится полным успехом. Проверка предполагает 30 секунд. Она оставалась в воздухе 39 секунд. Ей повезло! Чистая случайность! снова подшучивают мужчины — ее товарищи по школе. Но когда она повторяет полет, насмешка у них проходит. Из 18 мужских глоток звучит «хуа, хуа» — экзамен сдан!

Вольф Хирт, старый планерист, после первоначальной неудачи хотел исключить Ханну из учебного курса. Но теперь он хочет еще раз посмотреть на эту девушку. В награду за удавшийся прямо на его глазах старт он разрешает ей взлететь еще раз с более высокого места. Снова несколько дольше в воздухе! И теперь она под его руководством учится необходимым для сдачи «экзамена В» горизонтальным, крутым полетам и виражам. Вольф Хирт поражен ее способностью к концентрации. Концентрация порождает наилучших летчиков! Но Ханна еще, умалчивает от него, что этим даром она обязана поучениям Лойолы и своим настойчивым ночным упражнениям. Как и ожидалось, она скоро сдает «экзамен С», при котором нужно как минимум пять минут парить над стартовой высотой в восходящем ветре.

Во время одного из ее следующих полетов она остается в воздухе более 20 минут. Чтобы сэкономить время следующему

ученику, она, вопреки инструкции, садится на стартовой площадке вместо луга, предназначенного для посадки. И снова следует, на этот раз смешанный с похвалой выговор: «Дисциплина должна быть», говорит Вольф Хирт, слегка дергая Ханну за ухо. Все же, чисто с точки зрения полета, все было сделано безупречно.

Новый самолет, гордость школы, предусмотрен только для Вольфа Хирта и летчиков-инструкторов. Но Ханне как первому ученику, разрешается летать на нем, сколько она захочет. И это целых пять часов! Поздравления и цветы приходят в родительский дом. Ханна полна ликования. Но вечером она находит на кровати письмо своей матери. «Сознаешь ли ты благодарность, что только милость счастья подарила тебе успех?»

Сначала появилось упрямство. Почему «милость счастья», после того, как ей пришлось перенести ветер и дождь, холод и снег? Все же, чем больше размышляет она над строками матери, тем больше познает смысл ее слов. Да, ветер был ее счастьем. И чувство благодарности и скромности присоединяется к оправданной гордости.

Как будущий летающий врач в Африке, она убеждает своих родителей, что она должна овладеть также полетом с мотором. Родители уважают ее желание самостоятельно принимать решения. Но они хотели бы избежать, что их дочь станет легковесной охотницей за рекордами. Расходы на летный курс, таково их условие, она должна покрывать из денег, выделяемых ей на учебу!

Она записывается в Берлин-Штаакен, одну из трех существующих в Германии спортивных летных школ. Снова она — единственная девушка среди мужчин, у почти всех из которых уже есть серьезная профессия: директора, коммерсанты, инженеры, а также известный актер Маттиас Виманн, который станет для нее настоящим товарищем по полетам.

Типично для Ханны, что она со всем воодушевлением хочет не только научиться летать с мотором, но и понимать сам мотор, сердце самолета, вплоть до всех мелочей. Всякий раз, когда нет полетов, она остается в цеху у старых опытных механиков-мотористов. Глупых «почемучек», к тому же еще и женщин, не очень любят видеть на заводских предприятиях. Но Ханна не дает себя запугать, и в знак благодарности за все изученное она помогает чистить самолеты.

Однажды мастер на заводе подвергает ее испытанию, выучила ли она действительно все эти технические штуки и не боится ли она грязной работы. Она должна разобрать старый, уже непригодный двигатель. Сказано, сделано. Но в воскресенье,

когда цех пуст, она садится за работу, чтобы снова собрать мотор. Как будто для экзамена по анатомии, она во время разборки двигателя сделала по очереди все эскизы. Мужчины, рано в понедельник увидевшие результат ее труда, качают головой с большим удивлением. После этого успеха, ради достижения которого она исцарапала себе руки до крови и запачкала их маслом и грязью, она стала одной из них. Не воскресной летчицей, а их товарищем!

Она не останавливается на этом практическом опыте. Помимо этого она поглощает всю специальную литературу о самолетах и авиадвигателях, которая попадает ей в руки. Это делает ее успехи в полете более легкими. Сначала ее летчик-инструктор, Отто Томзен летает вместе с ней, еще с двойным управлением. И этот преподаватель тоже обходится не совсем мягко с нею. Но Ханна оценивает его как замечательного инструктора. Для достижения цели учебного курса необходима жесткая школа.

Наступает день ее проверочного полета на большой высоте. Для старого самолета «Клемм», оснащенного двигателем мощностью всего 20 л.с., предусмотрен целый час только для подъема на предписанную высоту 2000 метров. Ханна — явно не спортивная летчица, которая стремится только к славе и успеху. Описание ее переживания высоты свидетельствует о ее чувствительности, ее любви к природе и ее уважении к творению бога. Радость и благодарность смешиваются со смирением. Если другие летчики склонны порой к заносчивому хвастовству, то у нее при взгляде на широту неба и вниз на нашу прекрасную землю возникает благоговение.

Что касается ее дальнейшей жизни, то Вольф Хирт совпадает во мнении с ее родителями, что полет — не профессия для нее, и что она должна продолжать изучение медицины. В одной беседе он дает ей задание, которое должно однажды оказаться для нее настоящим подарком небес. Из-за потери ноги Вольф Хирт подробно занялся функциями бедра и коленного сустава. По этой теме Ханна должна сделать медицинский доклад, прежде чем он даст ей разрешение летать снова. Так как она горит желанием продолжать полеты, она прикладывает все силы и всю ночь прорабатывает все найденные книги и овладевает этим материалом.

Во время поездки в Грунау Вольф Хирт хочет проверить Ханну по заданной теме, но они оба увлекаются беседой о проблемах полетов, и медицинское задание уже полностью забыто.

В Грунау она может летать всю первую половину дня. И здесь

она снова испытывает, после того, как она оценила опьянение полета с мотором, возвышение, единственное чувство полета на планере, свое единство с природой, победу над силой тяжести, которую нужно при этом птичьем полете добиваться «метр за метром».

Для своего второго медицинского семестра Ханна по желанию отца должна была записаться в Кильский университет, где ее брат служит фенрихом на военно-морском флоте. Так как Кильский факультет переполнен, студенты перед допуском должны подвергнуться экзамену по анатомии. Ханна в первом семестре совершенно не занималась своей учебой. Все ее заверения, что в Киле она провалится с треском из-за абсолютного незнания предмета, совсем не помогают. Ее родители просто не хотят верить ей, что она могла быть настолько неподготовленной. Чтобы нагнать пропущенное, уже нет времени. Подавленно она вспоминает, как она злоупотребила доверием своих родителей и думала только о полетах.

С дрожью и страхом, преследуемая кошмарами, она идет на экзамен. «С достоинством снести свой позор кажется мне теперь важнее, чем сдать этот экзамен», пишет она. Многие из проверяемых проваливаются. Другие становятся неуверенными, сопровождаемые насмешками экзаменующего профессора. Наконец, Ханна слышит свое имя. Собрав всю силу воли, она выходит вперед спокойно и уверенно. Профессор неверно истолковывает ее спокойствие и считает его доказательством ее знания. Он дружелюбно смотрит на нее и задает свой первый вопрос. Ханна как будто падает с облаков, когда слышит: «Расскажите о бедре!» Человеку должно иногда везти.

На ее телеграмму приходит ответ родителей: «Мы это знали». Они не имели никакого понятия, насколько эти слова угнетают их дочь. Она использовала их доброту и широту натуры и навлекла позор на их седины.

В мае 1933 года Ханна во время каникул снова в Хиршберге.

Вольф Хирт хочет научить ее полету по приборам. «Слепой» полет! Снова Ханна с ее неудержимой любознательностью приступает к тому, чтобы, сначала чисто теоретически с помощью «игры в карты», как во сне овладеть всеми возможностями указывающей на положение полета стрелки поворота.

Когда наступает этот день, небо ясное и спокойное. Напрасно она ищет необходимый восходящий ветер. То она находит только слабый восходящий ветер, то нисходящий ветер, прижимающий самолет к земле. Внезапно она чувствует себя в сильном поле восходящего ветра. Со скоростью от 3 до 4 м/сек. ее тянет наверх. Поднявшись на 900 метров, она вдруг обнаруживает над собой,

отведя взгляд в сторону от приборов, огромное, темное грозовое облако. Инструкция для каждого начинающего звучит: при этих обстоятельствах нужно сразу же прекратить полет. Все же, в доверии к своим новым навыкам она продолжает лететь. 1.000… 1.100… 1.200 м… скоро ее подхватывают первые лоскуты облака. Все быстрее поднимается она наверх, 5 м, 6 м, скоро 7 м в секунду. Теперь, на высоте добрых 1.600 м она думает, что уже вне опасности. Теперь снежная вершина должна лежать под нею.

Внезапно начинается настоящий ураганный огонь по поверхностям ее крыльев. Вспыхивает драматическая борьба с освобожденными стихиями. Через уже наполовину замороженные окна она видит дождь и град, колотящие по самолету. Становящийся все более неистовым восходящий ветер вскоре закинул ее до 3.000 м. Инструменты отказывают. Все замерзло. Внезапно самолет уходит в пике. В летней одежде дрожь от холода пробирает все ее тело. Силой воли она преодолевает страх в кипящем аду. Вдруг ее самолет пронзает край облака и снова у нее появляется свободный обзор.

Уже поздно во второй половине дня, она садится на своем «Grunau-Baby» на лыжном лугу. Ей очень повезло, что она невредимо перенесла свой полет в грозу. Но теперь приближается вторая гроза. Вольф Хирт орет на нее по телефону, что ее нужно лишить лицензии пилота, так как она без разрешения приземлилась в запретной зоне около чешской границы.

Ханна подавлена. Полет — это ее жизнь, и, не имея возможности летать, она чувствует себя как приговоренная к смерти. Все же, когда Вольф Хирт забирает ее ночью на своей машине, гроза миновала. Он рад, что она посадила самолет без повреждений. Ханна настолько счастлива от этой перемены, что ее не по своей воле поставленный новый мировой рекорд высоты кажется ей несущественным.

Некоторое время спустя Вольф Хирт назначается руководителем новой планерной школы на горе Хорнберг близ Швабского Гмюнда. Ханна боится за конец ее полетов, так как она не может продолжать без своего покровителя и без денег. Но удача вновь приходит ей на помощь. Вольф Хирт добивается у ее родителей разрешения пропустить один учебный семестр и поехать с ним как летчик-инструктор.

Ее положение как летчика-инструктора — не из легких. Ведь ей же, девушке, нужно подготовить группу взрослых мужчин к «экзамену С». Но она находит решение для мужского недоверия по отношению к инструктору-женщине. Вместо того, чтобы выступать как авторитет, она превращает занятия в совместную работу. Все в равное степени принимают участие. Естественно,

лучшие успехи у Ханны, и таким образом ученики перенимают ее опыт, даже если этот опыт исходит от женщины.

Часть 3: Планеристка в зарубежной экспедиции

Когда в Германии из-за версальского диктата были запрещены полеты моторной авиации, Оскар Урзинус, со своей жаждой к полетам, обнаружил, что район реки Рёны — это идеальная территория для полетов на планере. На Вассеркуппе молодые планеристы встречаются каждым летом. С высоким идеализмом они жертвуют своим временем и деньгами. Полет для них важнее, чем их карьера, и некоторые при первых отчаянных полетах находят свою смерть.

Летом 1933 года Ханна впервые принимает участие в соревнованиях на Рёне. Ее «Grunau-Baby» — это не конкуренция для мощных машин других участников. Также территория ей неизвестна. Ее полеты на Вассеркуппе станут полосой сплошных неудач. При награждении призами она оказывается в хвосте, и жюри под всеобщий смех дарит ей — кухонные весы и мясорубку!

Все же ее опыт на Рёне заканчивается на позитивной ноте. «Профессор планерных полетов» Георгии после раздачи призов спрашивает ее, не хочет ли она принять участие в его запланированной южноамериканской экспедиции. Профессор и Оскар Урзинус были поражены способностью Ханны выстоять. Хотя она постоянно «тонула», но, все же, она снова и снова стартовала. И «не победа, а дух решает все в планерном полете».

Для поездки в Южную Америку она должна внести долю из собственного кармана — три тысячи рейхсмарок. Поэтому она возвращается к более раннему предложению киностудии УФА, где «дублирует» героиню фильма про планеристов. Съемки должны проходить в Росситтене. Изображая начинающую планеристку, она находит свою роль просто великолепной. Так как здесь она может делать одну поломку за другой, чего она никогда не смогла бы позволить себе при иных обстоятельствах. Сверх того, она может использовать свое свободное время для частных полетов. И какой шанс! При этом однажды она остается 9 часов, в другой раз 11 часов и 20 минут в воздухе. Два новых женских мировых рекорда!

3 января 1934 года экспедиция стартует из Гамбурга. Профессор Георгии поставил себе задачей исследовать взаимосвязь восходящего ветра в Южной Америке. Наряду с этим экспедиции достается, хоть об этом и не сказано в ее программе, другое существенное задание — завоевать сердца людей в

южноамериканских странах для полетов на планере и для Германии. Немецкие летчики и их успехи встречают поистине огромную заинтересованность в темпераментных южных странах. Больше всего публика интересуется высшим пилотажем. Хотя Ханне не по душе сверкать перед публикой таким искусством, она смиряется с ролью и демонстрирует свои мертвые петли и виражи к восхищению зрителей.

Над Сан-Пауло она оказалась на волосок от неудачи. Она слишком рано отцепилась от буксировщика. К своему ужасу она попадает в нисходящий ветер, который прижимает ее все ближе к тесно стоящим друг к другу домам и к кишащими людьми улицам. Когда она уже боится жертв и раненых при посадке на улице, она в последний момент обнаруживает спортивное поле. Но на этом поле как раз футбольный матч в самом разгаре. Вместо того, чтобы убежать с дороги от приближающейся с шумом машины, игроки и зрители считают ее низкий полет специальным шоу. Они воодушевленно машут ей. Покрытая потом от страха она раскрывает «фонарь». Со всей мочи она кричит им «cuidado, cuidado», и внезапно участники в последний момент бросаются на землю. Со стучащим сердцем ей удается посадить свой планер.

Также и аргентинское правительство дает экспедиции всевозможную помощь. Здесь тоже царит огромное воодушевление, особенно когда Вольф Хирт с 76 мертвыми петлями устанавливает новый рекорд. «Alemana», кричат в восхищении дети и взрослые, когда они осматривают планеры, в которых некоторые даже предполагали спрятанные двигатели, позже — «Немцы могут всё!»

Южная Америка еще больше усилила желание Ханны посвятить свою жизнь авиации. При возвращении домой она стоит у поручня рядом с профессором Георгии, предаваясь этой мысли. Она горько разочарована, когда внезапно слышит его слова: «Теперь, однако, мы вас не отпустим. Вы будете работать у нас в Дармштадте в исследовательском бюро». До мая 1945 года Ханна Райч работала в этом учреждении. Помимо официальных заданий ей в течение первых недель пребывания в Дармштадте удается сделать еще один дальний полет от Грисхайма в Ройтлинген. 160 километров — это новый женский мировой рекорд!

Примерно три месяца спустя финское правительство отправляет приглашение немецким планеристам, чтобы они познакомили финнов с полетами на планере. Экспедицией руководит граф Юзенбург. Наряду с другими знаменитыми планеристами Ханна Райч тоже принадлежит к приглашенным.

Ханна и ее товарищи в высшей степени поражены бескрайней шириной финского ландшафта с его темными лесами и бесчисленными озерами. И так же и финским народом. «Молчаливые, гордые, правдивые и добросовестные, прежде всего, здоровые», так она описывает этих людей.

Ее ученики — это гражданские лица и военные. Ханна посвящает себя своей задаче с ее обычным энтузиазмом и с осознанием своего долга. Каждый свободный час после «уроков» она в распоряжении своих учеников. В Финляндии все проходит гладко. За все время никаких аварий, никаких катастроф!

Министерство авиации собирается наградить Ханну. Но награды для не особенно важны. Вместо этого она просит разрешить ей учиться в транспортной летной школе в Штеттине, чтобы обучиться также полету на больших машинах.

Школа для летчиков транспортной авиации оказывается строго мужской, управляемой почти по-военному. Здесь, кажется, есть мало шансов для девушки. В действительности, порядок настолько строгий, что Ханна на каждом шагу боится оступиться. И это как раз с ней происходит. Бывают и взбучки, даже строевые занятия в виде наказания. У нее складывается впечатление, что ищут причину отправить ее домой. Больше из шалости, чем из злонамеренности офицеры и рядовые постоянно придумывают что-нибудь, чтобы ее поддеть. Все же, она ни на что не обижается и всегда показывает свой неизменный нрав. В конце концов, она устанавливает хорошие отношения со своими товарищами по летной школе. Строгая спартанская дисциплина тоже не страдает от присутствия девушки. Все замечают, что она посвятила полетам свою жизнь с той же серьезностью и той же преданностью, как и они.

Перед окончанием учебного курса у нее есть еще одно одновременно неловкое и забавное происшествие. После высшего пилотажа с летчиком-инструктором на биплане «Stieglitz» («Щегол»), инструктор требует, чтобы она приняла управление. Осчастливленная таким доверием, она устраивает все возможные скачки — мертвые петли, боевые развороты, «бочки» — как душе угодно. Пике, потом опять круто вверх, пока ей внезапно не стало плохо. Ни в коем случае она не хочет запачкать машину. Колкости ее приятелей никогда бы не закончились. В отчаянии она использует как «гигиенический пакет» сначала левую, потом, так как тошнота не ослабевает, правую перчатку. Она не может выбросить фатальные вещи. Любой, кто их найдет, наверняка узнал бы их владельца. Коротко и решительно она снова засовывает их в карманы пальто. После посадки она свежая и беспечная и теперь снова с аппетитом идет в офицерскую

столовую, где ее ждут горы пирожных. Она повесила свое пальто в прихожей. Все присутствующие смотрят на нее, полные надежды. Они уже радуются удовольствию, что, ей наверняка стало бы плохо после этого замечательного полета. Но Ханна делает вид, как будто ничего не произошло, и бодро приступает к еде.

Когда командир в сопровождении нескольких офицеров входит в помещение, он сразу начинает сердиться: «Какой ужасный смрад в прихожей! Почистить немедленно!» Безмолвно Ханна при первой возможности скрывается со своим пальто. Только на прощальном вечере она признается своим друзьям в этой истории, которая, естественно, вызывает неописуемый смех.

Свой первый ночной полет Ханна проводит на моторном самолете «Хенкель» He 46. Он проходит без инцидентов. Иначе обстоят дела во время ее полета через Женеву, Лион, Авиньон в Лиссабон, где в мае 1935 происходит «Festivas Lisboa». На этом фестивале предусмотрен международный день полетов, где в первый раз будет использован планер. Ханна должна представлять Германию в полете на планере. Она стартует с товарищем-планеристом на маленьком «Sportklemm». Германия в это время снова ввела всеобщую воинскую повинность, и международное положение было напряжено. Ханна осознает, что огромный успех на фестивале сейчас очень важен, как и безупречный полет над соседними странами. Немецкое участие должно способствовать мирному взаимопониманию среди народов и международному товариществу летчиков.

Все же, недобровольная промежуточная посадка в армейском аэропорту вблизи Лиона едва не стало для нее роковым. Вопреки строгому запрету ее товарищ-летчик (его имя она корректным образом умалчивает) в своем багаже контрабандно провез фотоаппарат «Лейка». Командир французской авиабазы видит в них шпионов и обращается соответствующим образом жестко. Только благодаря одному молодому французу, дружески настроенному к немцам, им удается тайком установить связь с немецким консулом в Лионе. «Мы, молодые», говорит неожиданный помощник, «понимаем вас, молодых в Германии. Они там старые и слепые».

Вблизи от Авиньона, где происходит следующая промежуточная посадка, они видят на горизонте, как появляется немецкий цеппелин. «Ни один немец, который испытал это спокойное величественное движение», пишет Ханна, «не сможет забывать этот вид, как и чувство гордости и счастья в тесной связи общего отечества».

Дни полета в Лиссабоне будут полным успехом для

организаторов, участников и посетителей. Из происходящих на улицах пестрых сцен заслужил памяти один полный напряжения случай. Ношение длинных брюк для женщин считалось в Португалии строго предосудительным. Когда Ханна однажды в летной одежде, ничего не подозревая, шла по улице, ее внезапно остановили и арестовали два «ландскнехта».

Ее приводят во что-то наподобие тюрьмы, а затем в зал судебного трибунала. Сначала ее защитник берет слово. Он произносит хвалебную речь о знаменитой немецкой летчице. Ханна все еще не уверена, происходит ли все это всерьез или в шутку. Потом говорит судья. И теперь ей становится ясно, что здесь за спектакль здесь устроили. Судья обращается не только к Ханне Райч. «Его похвала касалась, прежде всего, Германии, немцев, которые нашли энергию и мужество для нового подъема после проигранной войны. Что же тут было удивительного, что я чувствовала себя счастливой и гордой?» По его приглашению публика должна была встать, чтобы поприветствовать немецкий народ и летчицу Ханну Райч. И когда она покинула зал, ее рука была почти парализована от многочисленных рукопожатий.

Часть 4: Летчик-испытатель гражданских и военных самолетов

Как член руководимого Гансом Якобсом института планерных полетов Ханна в 1936 году оказывается в роли летчика-испытателя. Вновь свою роль сыграл случай. Предусмотренный для этого задания Людвиг Хоффманн внезапно тяжело заболел и не мог летать. Ханна чувствует себя полностью неопытной в области технической конструкции. Но зато она располагает прекрасным чувством полета и точной наблюдательностью, не говоря уже об ее интересе и воодушевлении.

Летчик-испытатель должен испытывать еще неизвестный по своим летным качествам и безопасности полетов самолет до крайних пределов его мощности и грузоподъемности. Это требует не только необычного мужества, но и сверх того, по понятным соображениям, систематического проигрывания всех

ожидающихся маневров полета. К этому полное, точное запоминание всех воспринимаемых взглядом, слухом и чувством реакций самолета. Высокое число часто смертельных аварий красноречиво говорит о полной опасности и жертв профессии летчика-испытателя.

В это волнующее время, когда Ханна постоянно рискует своей жизнью, она каждое утро получает письмо от матери. Как все матери она беспокоится о жизни ее ребенка, хотя и знает, что Ханна не легкомысленна. Однако она хотела бы воспрепятствовать тому, чтобы ее дочь со своими бесспорными успехами стала жертвой тщеславия. И в написанных поздним вечером письмах она выражает еще кое-что другое — то, что каждый испытательный полет служит жизням других и имени Германии!

Приближается ее до сих пор самая тяжелая и самая опасная проверка. После первоначальных очень рискованных попыток полета в пике Ганс Якобс разработал специальные тормозные клапаны для стабилизации машины. Следующий тест с этими «тормозами»: вертикальное падение с высоты 6000 метров! Никто в такие мгновения не сможет избавиться от страха и сомнения, выдержит ли машина при этом это огромное давление и не распадется. Ханна преодолевает этот приступ страха. Вновь и вновь она начинает падение вниз. Во время последней попытки она пикирует вертикально с высоты 3000 метров, и она лишь в 200 метрах над землей выравнивает машину. У нее еще стучит кровь в висках.

Как раз эти попытки с тормозами для пикирования получают основное значение для молодой немецкой военной авиации. Новое изобретение демонстрируется Эрнсту Удету, генералу фон Грайму и другим генералам Люфтваффе на аэродроме Дармштадт-Грисхайм. Удет после удачных полетов назначает Ханну командиром эскадрильи, первый раз, когда это звание получила женщина.

После триумфального пересечения Альп пятью немецкими планеристами, в том числе также Ханной Райч в ее «Sperber ˆпюг»(«Ястреб-юниор»), в сентябре 1937 года Эрнст Удет переводит ее на летный испытательный полигон для военных самолетов в Рехлин. Ее задача — испытывать оснащенные новыми тормозными устройствами военные самолеты. Тогда она еще не предвидит, что она на будущие годы неразрывно приобщается к военной авиации. Испытание пикирующих бомбардировщиков, бомбардировщиков, истребителей и т. д. будет для нее патриотическим заданием, которое она воспринимает как большую честь, чем звания и награды.

Все же и здесь она сначала снова чувствует плохо скрываемое отторжение со стороны «сильного пола». Не только из-за ее превосходящего мастерства, а, как ни странно, также из-за ее бескорыстного идеализма.

Кто хотел бы упрекнуть ее сегодня, что она способствовала тем самым «подготовке наступательной войны», тот должен был бы принять к сердцу ее собственные слова: «Мы, молодые люди, хотели мира, но справедливого, который позволял бы нам жить. Немецкий народ хотел мира, даже если сегодняшний мир больше не хочет воспринимать это. Народ, у которого есть тесное жизненное пространство в середине между другими народами и теперь, после многих лет бедности и неуверенности, снова увидел хлеб и испытал подъем, и знал, что в этом мире слабый всегда будет находиться под угрозой, и так как он полагал, что у него, как и у всех, тоже есть право на оборону, видел в укреплении обороны усиление своей силы и возможность сохранить мир. Какой другой народ в мире не чувствовал бы при этом правомерную гордость?»… «Если хочешь мира, готовься к войне». «Так я видела их, не думая при этом об этих словах римлян: пикирующие бомбардировщики, бомбардировщики, истребители — стражи у ворот мира.

И так я летала на них, каждый полет с чувством того, что моей осторожностью и надежностью я защищаю тех, кто после меня будет сидеть в кабине, и что каждый из них в свою очередь защитил бы эту страну, которую я видела в полете: страну с пашнями и полями, горами и холмами, лесами и реками. Страну, которая, может быть, и уступала на этой планете по своему великолепию каким-нибудь другим странам, но, все же, для меня была только одна она, так как она была моей родиной. Разве не стоило бы летать ради этого?»

Так и те, для которых «бабы» были ужасом, должны были также и в Рехлине привыкнуть к ее деятельности. Достижения, в конечном счете, импонировали всегда.

При экзотических происходящих под рекламным лозунгом KISUAHELI праздниках в феврале 1938 года в Берлине имя Ханны тоже стояло как последний номер на плакатах: «Ханна Райч управляет ВЕРТОЛЕТОМ». Ее выступление перед этим ярким задним планом, посреди разнообразных представлений варьете, кажется, было бы недостойным для некоторых командиров эскадрильи. Все же, речь при этом шла — идею подал Удет — об очень серьезном деле. Впервые в мире в зале Дойчландхалле должен был демонстрироваться «вертолет», и нужно было показать, что это решение было найдено немцами (разработано профессором Фокке в Бремене).

После первых, проведенных Карлом Франке из Рехлина и Ханной пробных полетов на еще полностью неизвестном вертолете, знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг, известный своим дерзким трансатлантическим одиночным перелетом, посетил Германию. Этот приятный, простой и естественный мужчина назвал продемонстрированный ему вертолет самым сильным летно-техническим испытанием.

Родители Ханны были по-настоящему объяты ужасом от того, что их дочь должна появиться в среде клоунов, факиров и канатоходцев. Но мысль о том, что ее полет на вертолете с большим названием ГЕРМАНИЯ на корпусе, значительно поднимет престиж их страны, позволяет им преодолеть свою антипатию. «Все же мои родители любили Германию как люди, которые умом и духом великодушны к миру, находили отзвук собственного сердца в своей родине и были ей преданы, как дети преданы своему отцу и матери. Служба отечеству была для них настолько высоким долгом, что они ставили ее превыше всего. Эта позиция имела решающее значение».

Сначала жители Берлина разочарованы — после лозунгов рекламы «300 вещей» — медлительным вертолетом. Все же, наконец, возбуждение и восхищение всех специалистов переносится также на широкую публику. Кроме того, появляется благоприятное эхо в прессе всего света. «Однако этот показ вертолета был, в конце концов, тем, чем он долен был стать: похвалой немецкому духу и немецкой технике. Полет в «Дойчландхалле» был историческим подтверждением права первого изобретателя»2.

Часть 5: Полеты в Америке и Северной Африке

Август 1938 года. International Air Races (Всемирные воздушные гонки) в Кливленде, штат Огайо. Эрнст Удет, который уже на более ранних мероприятиях воодушевлял американцев своим мастерством, снова должен был принимать участие. Но по служебным делам для него это было невозможно, и поэтому он предлагает своим американским друзьям пригласить на его место Ханну Райч. Наряду с Ханной в Америку едут еще два немецких летчика, граф Хагенбург и Эмиль Кропф.

Как и многие другие знакомые, также родители Ханны озабочены тем, что ее дочери как европейке будет трудно в этой чуждой стране. Только Эрнст Удет был другого мнения. С его юмором и его самобытностью, наряду с очевидным для него как прежнего мастера высшего пилотажа смыслом «паблисити», он всегда чувствовал себя как дома у увлекающихся спортом американцев. Также Ханна поражена приветливостью американцев. (Она, как каждый кратковременный посетитель, не могла знать, что американское одобрение и восторг преимущественно длятся всего один день.) Она сталкивается с американским юмором уже в течение первых дней своего пребывания, когда в честь немецких летчиков устраивается прием в Нью-Йорке.

Так как Ханна из всех трех немцев лучше всего знает английский язык, ей достается роль благодарить за все эти речи и тосты. С ее оживленным видом она быстро выражает свое воодушевление Америкой. Она настраивается все больше и больше и, в конце концов, заканчивает выражением, которое она при своем прибытии снова и снова слышала от докеров: «What the hell goes on…» Воздействие — как бомба. Громовой смех и неистовые аплодисменты! Так как то, что она не знала — это выражение просто не было «ladylike»!

В ходе «Воздушных гонок» происходит почти смертельная для немецкой команды авария. Внезапный шквал сильно прижимает самолет графа Хагенбур-га, превосходного мастера высшего пилотажа, в опасную близость к земле. Машина при ударе кувыркается в гигантском облаке пыли. Тишина без единого вздоха, музыка замолкает, знамена приспускают. Но граф Хагенбург внезапно выходит из обломков. Он просит санитаров перевязать его раны, садится в другую машину и продолжает полет (как барон фон Вангенхайм на Берлинской олимпиаде 1936

года, несмотря на сломанную ключицу, продолжал скачки и тем самым обеспечил победу немецкой олимпийской команде по многоборью!). Граф Хагенбург сразу становится самым популярным человеком «Воздушных гонок». Ничто не смогло бы вызвать большего восхищения.

После прыжков с парашютами на точность приземления Ханна в конце гонок должна была продемонстрировать сконструированный Гансом Якобсом «Sperber», планер, на котором можно исполнять фигуры высшего пилотажа. Не просто было после грома и воя моторов настаивать на отключении всех мешающих шумов. Так как беззвучный полет на планере может во всей своей красоте ощущаться только при отсутствии любого отвлекающего шума. Не могло быть большей противоположности, чем между беззвучным полетом сверкающей стройной птицы и предшествующим грохотом мощных авиадвигателей. Ханна исполняет всевозможные фигуры высшего пилотажа и, наконец, садится посреди круга-«мишени» под бурное ликование народа.

Во всех следующих приглашениях гостеприимной страны приходится отказывать, так как немецкая команда из-за кризиса в Чехословакии по телеграфу вызывается обратно.

В феврале 1939 года вновь стартует экспедиция планеристов у профессора Георгии. На этот раз цель экспедиции — итальянская Северная Африка. Экспедиции строго запрещено летать в пустыню. Участники должны держаться за старые трассы караванов. Но и при этом они порой задевают кромку пустыни. Ханна очарована бесконечностью песчаного моря под нею. Однажды она получает задачу перегнать один из имевших у них моторных самолетов в Гариан, городок к западу от Триполи в направлении Туниса. При старте горячее африканское небо безоблачно. Часами она при монотонном жужжании мотора наслаждается им, как и мертвой, сверкающей белой поверхностью под нею. На небе все еще ни одного, даже маленького облачка.

Тут, как внезапная яркая вспышка на небе, которая за минуту приобрело серно-желтый цвет. Почти в то же самое мгновение начинается буря. Пустыня в смятении. Буря поднимает песок высоко в небо, он бьет по мотору и по лицу летчицы. Скоро нос, уши и глаза засыпаны мелким речным песком. Мотор начинает работать с перебоями, и внезапно замолкает совсем. В планирующем полете самолет снижается посреди кружащихся песчаных масс. К счастью Ханны на место, которое уже недалеко от Гариана. На следующий день снова господствует тишина. Также прибывают другие машины и транспортные автомобили. Над пустыней, как раньше, простирается синее шелковое небо.

Самое рискованное для женщины приключение Ханна

испытывает после многочасового полета на планере в Буэрат-эль-Сун, где ее внезапно застает темнота. Два внезапно появившихся карабинера предлагают ей свою защиту в близкой каменной хижине. Сначала оба с южным шармом используют уместные для разговора с дамой формы. Но с продвижением ночи итальянский темперамент все больше побеждает мужское благородство. Ханне приходится применить свое так часто испытанное при полетах присутствие духа. Ее постоянный поток речи, смесь из ломаных итальянских, французских и латинских слов, не могут больше отражать становящиеся все более отчетливыми агрессивные влечения обоих мужчин. Тогда она рассказывает им, что должна продолжить полет к маршалу Бальбо. Она хвалит их за образцовое поведение и обещает, что доложит об этом Бальбо. Наверное, он удостоит их за это орденов. Волшебное слово «орден» приводит итальянцев в восхищении. Они снова ведут себя образцово, и Ханна спасена этой маленькой вынужденной ложью.

Между 1937 и 1939 года Ханна устанавливает мировой рекорд дальности, пролетев от горы Вассеркуппе до Гамбурга, мировой рекорд в полете к цели с возвращением к стартовой площадке от Дармштадта к Вассеркуппе и назад. Наряду с этим она как единственная женщина стала победительницей на большом соревновании полета к цели на планере из Вестерланда на Зюльте до Бреслау. И в июле 1939 года она завоевывает мировой рекорд в полете к цели из Магдебурга в Штеттин.

Часть 6: Испытания с грузовым планером

После испытаний с тормозами пикирования институт теперь принимается за создание большого планера. Рождается идея грузового планера.

Первый грузовой планер испытывается в буксирном полете за трехмоторным «Юнкерсом» Ju 52. Ханна за штурвалом. Выявляется, что абсолютно бесшумный грузовой планер справляется даже с пикированием. Так как он может перевозить людей и материал, он благодаря этим качествам приобретает также военное значение. Проистекающие из этого разнообразные возможности будят интерес командования германских ВВС.

При показе перед генералитетом, присутствуют, среди прочих, Удет, Кес-сельринг, Грайм и Мильх. Погрузив отделение пехоты с полным снаряжением, Ханна поднимает планер на высоту 1000 метров. Потом она круто спускается вниз, садится между кустами за генералитетом, пока солдаты выпрыгивают из планера и сразу занимают позицию.

Генералы в восторге. Единодушно они настаивают сразу повторить этот пикирующий полет — на этот раз с высокими господами в качестве десанта! У Ханны при этом требовании и от этой ответственности дико забилось сердце. Все же, ее возражения отклонены. И этот второй полет проходит тоже без инцидентов. Только парашютные войска не в восторге от этой новой конкуренции. При «соревновании» между грузовыми планерами и парашютистами, которые должны направляться к определенной цели, грузовые планеры однозначно оказываются предпочтительнее. Они садятся точно у цели, и их десант мгновенно готов к действиям. Парашютисты, напротив, в этот ветреный день порой очень далеко отклонялись от цели.

Впервые военно-грузовые планеры были использованы в самом начале французского похода. С их помощью без больших потерь немцам удалось взять штурмом считавшийся до тех пор неприступным бельгийский форт Эбен-Эмаель.

Только лучшие планеристы отбираются в пилоты грузовых планеров. Однако, их ефрейторское звание ни в коем случае не соответствует их способностям. Их начальники могут опираться на свое звание, но у них почти нет никакого понятия о полете планеров. Пилоты очень подавлены, так как их требования необходимых учебных полетов для будущих операций сразу отклоняются. Они знают, что это упущение с высокой

вероятностью приведет к катастрофическим последствиям.

В отчаянии они обращаются к Ханне Райч. Ханна ломает голову над тем, как она, женщина, может добиться чего-то в военной иерархии для своих товарищей. Письмо генералу фон Рихтофену остается безуспешным. Также и при следующих попытках она как будто бьется головой об стену. Но угрожающая судьба ее товарищей, опасность неудач с высокими потерями из-за недостаточной подготовки не оставляет ее. Она уже почти оставила надежду, как вдруг, благодаря одному заступнику, ей удается обсудить этот вопрос с генералом фон Граймом. Он разрешает широкомасштабные учения. Опасный результат — только несколько грузовых планеров достигают своей цели, и к тому же еще с опозданием на несколько часов! С помощью обширной программы тренировок, в том числе ночных, такие недостатки удается своевременно устранить.

Ханна Райч пишет: «То, что я была женщиной, мешало многим, для которых важнее была привилегия мужчины, чем веление времени. Эта позиция стоила мне большой борьбы, и она часто также замедляла выполнение самых важных заданий, если бы несколько ответственных мужчин, таких как Удет и Риттер фон Грайм, для которых объективное задание было важнее борьбы полов за привилегии, в силу своего служебного и военного положения не добились бы моего использования. Я сама, естественно, страдала от этой позиции, но они никогда не смогли бы отговорить меня от исполнения своего долга. И так годы войны, страх и ужас которой неизгладимо врезались мне в память, стали для меня годами самой тяжелой и самой серьезной работы». И дальше, в связи с опасным испытанием беспилотного заправщика: «Эти попытки стоили мне, однако, не только преодоления физической слабости, которая охватывала меня, но и страха — безобразного, примитивного страха. Но когда он нападал на меня, я думала о мужчинах снаружи и стыдилась, что я была готова меньше, чем они».

Начинается новая серия испытаний. С помощью канатов нужно приземлиться на самой маленькой палубе военного корабля. Попытки остаются безуспешными и останавливаются. Следует очень опасный эксперимент: перерезание тросов аэростатов заграждения. Эти проволочные канаты были причиной некоторых потерь немецких самолетов над Англией, они распиливали им крылья. Ганс Якобс конструирует защищающий двигатели «отклонитель». С его помощью канаты должны оттесняться, а потом отрезаться. Ханна говорит об этом: «Эти испытания наполнили и захватили меня внутри как никакое другое задание прежде; ведь я знала, что я вылетаю на каждое

испытание ради жизни моих товарищей, совершавших боевые вылеты. Это была жесткая борьба с опасностью».

Удивительно, как она в эти дни продолжает летать несмотря на сильные головные боли и температуру, пока ее со скарлатиной не кладут в госпиталь Вирхова в Берлине. К скарлатине добавляется ревматизм суставов. Также ее сердце начинает болеть. Ее охватывает страх того, что она никогда больше не сможет летать.

Все же, она справляется. Через три месяца ее выписывают из больницы. Она сразу же снова принимается за рискованные полеты. При ее последней попытке, при которой присутствует также Удет, аэростат оказался поперек ветра. Результат состоит в том, что трос после разрезания будет висеть слишком плоско. Со смешанными чувствами она подлетает к тросу. И уже треск. Осколки металлического пропеллера влетают в кабину. Ей повезло, что двигатель из-за дисбаланса не оторвался, что неизбежно вызвало бы катастрофу. Начинается гонка со смертью. Тем не менее, ей удается удержать свой «Дорнье» Do 17 в планирующем полете и спуститься. В наивысшем возбуждении наблюдатели ожидают взрыв при падении. Удет на своем Физелер Шторьх сразу отправляется к предполагаемому месту крушения. Таким бледным Ханна никогда еще не видела его. Не говоря ей ни слова, Удет летит в Берлин, где докладывает о произошедшем Гитлеру. Затем Ханна получает Железный крест второй степени.

27 марта 1941 года Ханну в своем доме принимает Геринг. В признании ее опасных испытаний он вручает ей золотой знак военного летчика с бриллиантами. Геринг сначала не заметил маленькую Ханну, вошедшую в помещение, пока Удет не обратил его внимание, что ожидаемая им гостья уже стоит перед ним. «Как? Это и есть наш великий, знаменитый капитан эскадрильи? И это все? Как такая маленькая вообще может летать?» Ханна несколько уязвлена, но совсем не запугана. Описывая рукой упитанность Геринга, она находчиво отвечает: «Да, а что, для этого нужно выглядеть именно так?»

На минутку она сама испугалась своего импульсивного жеста. Но прежде чем она опомнилась, раздался всеобщий смех, к которому присоединился и сам Геринг.

На следующий день ее примет Гитлер в Имперской канцелярии для награждения Железным крестом второй степени. Гитлер подробно беседует с ней об испытаниях, и Ханна поражена его вежливым видом и его знаниями в области авиационной техники.

Участие немецкого народа в этой награде огромно. Со времени его учреждения в 1813 году Железный крест только

однажды был вручен женщине, медицинской сестре Иоганне Крюгер. «Моя родина Силезия не забыла, что я ее дитя… такие у меня были чувства в эти дни, и я испытала глубокое счастье, которое может понять только тот, кто любит свой народ… Деревни поднимали флаги, люди украшали улицы и бросали нам цветы, стояли в дверях и приветствовали нас, и еще перед Хиршбергом мы должны были часто останавливаться, чтобы слушать песни школьников… В каждом была видна любовь к Силезии! Из детских глаз, которые сверкали нам навстречу, из благодарных взглядов стариков и старух, которые махали нам усталыми руками, из воодушевленных криков молодежи, из цветов и знамен, украсивших Хиршберг».

После первого приема она рассказывает далее: «Ликование… подтвердило мне, что в немецком народе есть любовь, сила которой происходит из источников, которые нельзя понять разумом. Из гор, смотрящих на нас здесь сверху вниз. Из лугов и пашен, которые простерлись перед городом. Это были картины, которые наполняли душу простого солдата, стоявшего в траншее на передовой, это были сны женщин и матерей, которые должны были в одиночестве переносить лишения войны: это была родина!»

В зале ратуши ей вручают грамоту почетного гражданина города. «В тот день меня больше всего волновала не честь, а тесная связь с моей родиной, любовь которой окружала меня… Она сопровождала бы меня, когда я теперь возвращалась для моей работы, как мощный источник силы».

В октябре 1942 года Ханна для фирмы «Messerschmitt» в Аугсбурге летает на самолете Me 163a и b, бесхвостом самолете с ракетным двигателем, который хорошо показал себя и должен был разрабатываться дальше как боевая машина. Заданием, для которого предназначался ракетный самолет, было рассеивать группы вражеских бомбардировщиков, чтобы облегчать их обстрел.

После взлета ракета достигала скорости 400 км/ч. После сбрасывания шасси на высоте 8-10 м скорость через несколько секунд выросла до 800 км/ч. При угле подъема от 60 до 70 ° машина за полторы минуты смогла подняться на высоту 10 000 метров. Me 163, кроме того, еще обладал и замечательными летными качествами. Его большим недостатком было то, что он из-за невероятно высокого расхода топлива мог оставаться в воздухе всего 5–6 минут. Дальнейшей трудностью была очень высокая посадочная скорость — после израсходованного горючего в планирующем полете до 240 км/ч! Хайни Дитт-мар, летчик-испытатель этой машины, преодолел на ней рубеж скорости

1000 км/ч. Так как Диттмар из-за травмы позвоночника попал в больницу, дальнейшие испытательные полеты выпали на долю Ханны Райч и еще одного летчика.

Это произошло при испытательном полете без двигателя на буксире у двухмоторного Ме 110. Когда Ханна на низкой высоте попыталась сбросить шасси, внезапно машина сильно задрожала и загрохотала. Снизу красные сигнальные ракеты. Опасность! Одновременно сигналы из пулеметов летящего впереди Ме 110. Что-то было не в порядке с ее шасси. Пилот Ме 110 сразу понимает, что она должна быстро набрать высоту. Он поднимает ее до нижней кромки облаков, где она отцепляется на высоте 3 500 метров.

Вопреки отчаянным маневрам ей не удается стряхнуть мешающее шасси. Вибрация ее машины усиливается. Но она отвергает мысль спрыгнуть с парашютом и дать разбиться ценной машине. Она верит в свою счастливую звезду и надеется, что сможет, всё же, сесть на предусмотренной посадочной площадке. Но тут внезапно машина проваливается и больше не реагирует на маневры управления. Она инстинктивно сжимается, когда «Мессершмитт» с высокой скоростью несется на поле и с треском переворачивается.

Ей еще хватило сил, чтобы открыть «фонарь» кабины. Осторожно она ощупывает лицо. Там, где раньше был нос, сейчас широкая кровавая щель! При каждом вдохе у нее темнеет перед глазами. С напряжением своих последних сил она принимается записывать в свой блокнот причину и ход падения. Это долг летчика-испытателя — не дать пропасть опыту, полученному во время испытательного полета. Только теперь она перевязывает себе лицо носовым платком, чтобы подбегающие солдаты не увидели жутких последствий травмы. Затем она теряет сознание.

Рентгенограммы в больнице показывают четыре перелома основания черепа, два перелома в лицевой части, сдвинутую верхнюю челюсть, ушиб головного мозга и расколотый нос. На следующее утро ее мать стоит на коленях у ее кровати. Врачи оценивают ее состояние как крайне тяжелое, но при взгляде на любимую мать она чувствует себя в безопасности.

Следующие недели и месяцы становятся самыми мучительными в ее жизни. Не из-за болей, а из-за того, что ей приходится беспомощно лежать, в то время как сводки с фронтов постоянно ухудшаются. Без матери она была бы в полном отчаянии. Она проводит более пяти месяцев в этом военном госпитале. И благодаря самоотверженным усилиям врачей и сестер, и не в последнюю очередь благодаря любви своей матери, она медленно, для нее слишком медленно, выздоравливает. Через

несколько дней после катастрофы ей был вручен Железный крест первой степени.

Так как она ни за что на свете не хочет отказываться от своих испытательных полетов, она с железной энергией принуждает себя преодолевать сильные головные боли и приступы головокружения. Осторожно она влезает на крышу дома. Ей приходится держаться за дымовую трубу, чтобы не потерять равновесия. Она повторяет это упражнение изо дня в день. Сначала она полностью истощена этими альпинистскими упражнениями. Все же, постепенно головокружение ослабевает, и месяц спустя ей удается, не боясь высоты, скользить над коньком крыши. Затем она переносит свои альпинистские упражнения на деревья по соседству, как она делала это в детстве. Однажды — врачи ни в коем случае не должны этого знать — она убеждает командира военного летного училища в Бреслау-Шёнгартене, чтобы он позволил ей полетать на планере. Это переживание, сердце, полное благодарности за то, что она снова может почувствовать высоту, помогает ей заново родится. Вскоре она снова делает все фигуры высшего пилотажа, как в старые времена.

«Все же моей целью было вернуться на службу. Неопределенность дальнейшей судьбы Германии ежедневно росла ввиду ослабевающего немецкого фронта и лежала на мне как тяжелое бремя. Эти мысли волновали меня день и ночь. Никогда я не занималась стратегическими или политическими вопросами. Я только лишь хотела до последнего часа помочь моей родине, так как проигранная война означает страшную беду для народа. Поэтому я также не спрашивала о том, можно ли было еще существенно ослабить превосходство противника. Я спрашивала свою совесть. И согласно моей совести я действовала, когда прилагала все силы чтобы снова вернуться на службу».

Часть 7: С Риттером фон Граймом в России

После того, как она своими испытательными полетами непрерывно служила родине в тылу, генерал-полковник Роберт Риттер фон Грайм просит ее посетить его на Восточном фронте. Грайм в это время был командующим воздушным флотом на центральном участке фронта. После выздоровления Ханна доложила Герингу о своем возвращении. Он приглашает ее в Оберзальцберг. Их беседа касается ракетного самолета и катастрофы Ханны. Ханна в ужасе от того, что Геринг, абсолютно недооценивая реальное положение, ошибочно думает, что этот тип самолета уже выпускается серийно. Он хочет с его помощью отбивать террористические атаки англо-американских бомбардировщиков. Когда Ханна поправляет его, Геринг в гневе покидает комнату. Он предпочитает обманывать себя, чем смотреть в лицо фактам!

Подавленная его очевидной некомпетентностью Ханна расстается с Герингом. Какая разница между страдающим манией величия Герингом и фон Граймом! Фон Грайм — это воистину рыцарь без страха и упрека, которого очень уважают как его солдаты, так и офицеры. Он объединяет в своем лице смелость и ясность мысли. Он никогда не требует от своих солдат такого, что он не готов делать сам. Он никогда никого не посылал на бессмысленную смерть.

В ноябре 1943 года Ханна попадает в штаб фон Грайма вблизи от Орши. Положение на фронте в высшей степени серьезно. Фон Грайм надеется, что посещение женщины, которая награждена почетной солдатской наградой, укрепит мораль его фронтовых войск.

Первой ночью Ханна долго лежит без сна под впечатлением беспрерывного грома орудий с близкого фронта. На рассвете следующего дня она с фон Граймом летит на его самолете «Storch» к стоящим на самой передней линии батареям зенитных пушек. Предстоит наступление советских войск. В ледяном холоде Ханна испытывает войну непосредственно с точки зрения немецкого солдата, воюющего в России. В броневике они едут от места посадки прямо до главного командования ВВС. Как только они достигли цели, начинается ураганный огонь Советов. Гремят попадания русских снарядов, немецкая зенитная пушка вмешивается в оглушительный шум. Советские летчики-штурмовики подавляют немецкие траншеи бомбами и бортовыми

пушками. Повсюду слышны крики раненых. Ханне кажется, что здесь никто не может остаться в живых. Страх душит их. Все же, мысль о солдатах, которые должны испытывать все это почти ежедневно, позволяет ей предолеть свой страх.

Наступление Советов отбито. Во время последующего затишья на фронте Ханна помогает ухаживать за ранеными. К соседним огневым позициям зенитной артиллерии Ханну больше не хотят брать с собой. Все же, она читает в глазах мужчин, что дало им ее присутствие. Она настаивает на поездке на позиции вопреки опасностям. Человек может привыкнуть ко всему. И таким образом она, проинструктированная одним унтер-офицером, скоро может различать по шуму вид артиллерийского огня, выстрелы, вой приближающихся снарядов, затем ближние и удаленные попадания, и вести себя в соответствии с этим.

Неизгладимым останется для нее совместное пребывание с ее «фронтовыми товарищами», которые рассказывают ей о своих заботах и надеждах. Как охотно дала бы она им хоть проблеск надежды! Но ей противно повторять пропагандистские лозунги с родины, которые все больше и больше расходятся с действительностью. Она пытается найти правильные слова о смысле стойкости. Также английский народ не отчаялся после Дюнкерка (и еще меньше — Сталин после тяжелых поражений летом 1941 года), а боролся дальше с еще большей решимостью.

«Я три недели почти ежедневно посещала сражающиеся части на Физелер Шторьх. Всюду, куда я прибывала, я испытывала радость внутренней тесной связи, которая возникает при общей беде. Полеты под серым небом над широкими, занятыми партизанами территориями, беседы и совместное пребывание в самых примитивных жилищах и ямах, рукопожатие, которое я получила от солдата — это все день ото дня переходило к неповторимому переживанию, исключительность которого я чувствовала именно как женщина».

Часть 8: План самопожертвования

Еще до ее посещения России у Ханны после ее выздоровления была беседа с двумя старыми друзьями в Доме летчиков в Берлине. Причиной разговора всех троих была тревога о будущем Германии. Они знали, что время было не на стороне немцев. Так как фронты постоянно отступали, и немецкие города один за другим превращались в руины и пепел, должно было произойти что-то, чтобы предотвратить угрозу уничтожения империи. План Моргентау был широко известен. Эти и многочисленные другие молодые люди хотели сделать все, что было в их силах, чтобы предотвратить эту ужасную для всех патриотов судьбу. Но что они могли сделать?

Ханна занялась этим вопросом уже в те месяцы, когда лежала на больничной койке. Удивительно, что ее товарищи пришли примерно к тому же выводу, что и она.

«Германию, по нашему тогдашнему мнению, можно было спасти из безвыходной ситуации, если бы удалось создать благоприятную основу для переговоров о быстром окончании войны с помощью того, что самые важные ключевые позиции противника и центры его сопротивления были бы разрушены быстро следующими друг за другом ударами при бережном обращении с гражданским населением противника [в отличие от методов наших врагов! прим. Scriptorium]. К таким целям относились, кроме всего прочего, большие электростанции, гидроэлектростанции, самые важные предприятия и, в случае вторжения, военные корабли.

Наши соображения говорили нам, что этого можно было достигнуть, если бы нашлись люди, готовые технически подходящими средствами ударить по цели, чтобы поразить ее в самое сердце и сделать тем самым любой ремонт и восстановление невозможным. При таком использовании не было бы шанса для спасения собственной жизни.

…Такое использование самопожертвования требовало от людей, которые были готовы жертвовать собой, твердого убеждения, что никакие другие средства уже не могут принести спасение.

Это убеждение не имело ничего общего с неверно понимаемым идеализмом; так как оно было вопросом не только внутренней готовности, но также и самого трезвого расчета. Эта идея могла быть осуществлена только… если бы наверняка имелось такое оружие, которое гарантировало бы успех. Идее этого использования противоречило бы, если бы хоть одну

человеческую жизнь поставили на карту необдуманно и бессмысленно».

Немцы в то время еще ничего не знали о японских летчиках-камикадзе.

К удивлению Ханны в Германии между тем было уже много людей, которых волновали подобные мысли. И это были отнюдь не безмозглые фанатики, а полностью счастливые, совершенно здоровые люди, которые убеждены, тем не менее, в том, что только через их жертву можно спасти страну, женщин и детей. Они убеждены, что такое самопожертвование, даже если бы оно потребовало бы жизни сотен людей, могло бы спасти сотни тысяч, если не миллионы наших солдат и жизнь гражданского населения, обреченного на террор бомбардировщиков союзников и Красной армии.

После основательного обсуждения с учеными и техниками Академии исследования авиации этот план был признан принципиально выполнимым с хорошими шансами на успех. «Управляемой бомбой» должна была служить пилотируемая планирующая бомба, а именно Ме 328, уже существующая конструкция. Как альтернатива предусматривалась V-l («Фау-1»).

Чтобы получить заказ на разработку этого оружия, необходимо было дойти до наивысших руководителей и даже убедить Гитлера в их плане. Никому из ее товарищей не повезло с этим проектом. Случай приходит им на помощь. В конце февраля 1944 года Ханну вызывают в Бергхоф, чтобы дополнительно получить из рук Гитлера специальный документ для предоставления Железным крестом первой степени.

Только адъютант Гитлера по вопросам ВВС, полковник фон Белов, присутствует при их беседе. Она принимает драматический оборот. Сначала Гитлер категорически отказывается от идеи самопожертвования. К своему недоумению Ханна слышит, что он видит военное и политическое положение Германии в слишком розовом свете. Многие исторические параллели, которые он приводит в длинном монологе по этой теме, кажутся ей совершенно не обоснованными. Она возражает, что современное положение Германии несравнимо с этими примерами. Теперь Гитлер пытается производить впечатление на нее своими планами крупномасштабного использования специальных реактивных бомбардировщиков. Ханна испуганно выслушивает его сокровенные мечты. Забывая об авторитете Гитлера, она вдруг прерывает его громким замечанием: «Мой фюрер, вы говорите о внуке эмбриона!» Лицо полковника фон Белова застыло. Насколько он знал, пока еще никто не решался так резко возражать Гитлеру. С точным знанием этих еще

находящихся в разработке машин Ханна разрушила его иллюзии.

Гитлер рассержен, но остается вежливым. Вопреки возбужденному настроению Ханна мужественно возвращается к своей просьбе. Наконец, Гитлер дает ей понять, что он должен подумать над ее планом, но в настоящий момент он еще не может принять решение.

Дальнейшее планирование находится в руках начальника генерального штаба Люфтваффе генерала Гюнтера Кортена. Ме 328 должен использоваться как пилотируемая планирующая бомба без двигателя. С этой целью этот одноместный самолет должен был подниматься наверху на крыльях бомбардировщика «Дорнье» Do 17 на предусмотренную высоту. Пилот должен был затем отцепиться от самолета-носителя и в планирующем полете направить машину к нужной цели.

Тем не менее, все остановилось на закончившихся в апреле 1944 года попытках. По необъяснимым причинам [саботаж? — прим. ред.] производство не было начато. Ни одна машина так никогда и не стала боеспособной! Вторым решением для них еще остается V-l. Но кто смог бы форсировать работу над этим оружием?

Помощь неожиданно приходит от освободителя Муссолини Отто Скорцени. Этот богатырь с теплыми приветливыми глазами, в сочетании с доказанным бесстрашием и мужской твердостью, направляется к ним непосредственно Гиммлером. Мысль о применении V-l пришла к нему независимо от Ханны Райч и ее товарищей. Оказавшиеся на его дороге преграды и сомнения он просто сносит, утверждая, что у него есть все полномочия, и он должен постоянно докладывать Гитлеру.

Благодаря его маневрам, граничащим с авантюрами, находящимся в распоряжении конструкторам и инженерам удается через несколько дней переделать V-l для запланированной цели. Новое оружие считается совершенно секретным и проходит под кодовым названием «Райхенберг». Ханна сразу предлагает себя для испытаний. Но Рехлин настаивает на том, чтобы провести испытания со своими собственными пилотами. Вместе с Отто Скорцени Ханна присутствует при первых попытках. Двое из пилотов пострадали в результате аварии, к счастью, не смертельно. Затем Ханна Райч и Хайнц Кенше из Имперского министерства авиации предпринимают следующие попытки.

После десяти удачных полетов прикрепленный в корпусе мешок с песком при достигнутой скорости 850 км/ч отделяется и блокирует руль высоты. Только такой виртуозной летчице как Ханна Райч удается с помощью особых трюков при посадке выйти

более или менее невредимой из разбитой машины. В другой раз для полной нагрузки был установлен наполненный водой бак. И на этот раз ей тоже очень повезло. Вода, которую обязательно нужно было слить перед посадкой (в противном случае летчик получил бы травму позвоночник при ударе), покрылась при высотном полете слоем льда, который заморозил отверстие бака. После отчаянных усилий ей удается в самую последнюю минуту, уже близко над землей, открыть кран и спустить большую часть воды.

У V-l были, если не считать трудностей с приземлением, отличные летные качества. Ее могли бы пилотировать обычные, средние пилоты. Но время уже обогнало проектно-конструкторские работы и испытания. Вторжение началось. Ни Ме 328, ни пилотируемые V-l, никогда не использовались в бою.

Героизм готовых к самопожертвованию добровольцев больше не мог отвернуть судьбу. Было уже слишком поздно.

В октябре 1944 года при бомбардировке Берлина Ханна была ранена на пути к бомбоубежищу. Вновь она прикована к больничной койке, на этот раз в лазарете ВВС бункера ПВО у берлинского зоопарка. Тайком, когда доктора и медсестры предполагают, что она для выздоровления гуляет в саду, она убегает, чтобы полететь к разбившемуся в авиакатастрофе товарищу, тоже летчику-испытателю. После возвращения ей запрещают покидать военный госпиталь.

Всегда думая о будущем, теперь она занимается проблемой, которая все больше наполняет ее тревогой. Как раз в это время в том же госпитале лежит из-за ампутации ноги полковник Рудель. С ним она обсуждает вопрос, как могли бы ориентироваться летчики во все больше окутанном дымом и огнем Берлине. По всей вероятности, город ждут еще более тяжелые испытания. Нужно будет вывозить раненых, выполнять особые задания. Как отметка пеленга башня ПВО на бункере зоопарка кажется им даже при наихудшей видимости наиболее подходящей.

После выписки из военного госпиталя Ханна сразу ставит себе задачу при любой погоде подлетать на очень низкой высоте с видимых издалека исходных точек на краю города к башне ПВО. Из этих точек она точно запоминает компасный курс в направлении бункера зоопарка. Тогда она не может еще предвидеть, насколько важными окажутся эти ориентационные полеты всего три месяца спустя.

В конце февраля 1945 года она летит еще раз, вопреки категорическому запрету Гитлера, буквально в режиме перелета изгородей на своем Физелер Шторьх в окруженный Советами Бреслау. С большой болью она испытывает все страдания своей

охваченной решающей битвой против красного потопа родины. При обратном полете через Хиршберг ее достигает радиограмма, которая вызывает ее в Мюнхен. В районе Кицбюэля она должна разведать необходимые посадочные площадки для вывоза самолетами раненых. Ей удалось провести при этом еще один день у своей эвакуируемой к тому времени в Зальцбург семьи.

Часть 9: С особым заданием в Берлин

25 апреля Ханна получает сообщение, что она должна прибыть в распоряжение генерал-полковника фон Грайма для особого задания. Фон Грайм получил радиограмму с приказом явиться для доклада к Гитлеру в Имперской канцелярии в абсолютно окруженном к тому времени Берлине. Фон Грайм сначала спрашивает родителей Ханны об их согласии. В их прусском понимании долга они без промедления соглашаются. Еще раз Ханна видит своих любимых родителей и спящих в бомбоубежище детей.

«Юнкерс» Ju 188 доставляет Ханну и фон Грайма в Рехлин, куда они прибывают ранним утром 26 апреля. Новости плохи. Лишь один аэродром в районе Берлина, Гатов, еще остается в руках немцев. Предусмотренный для ее отчаянного полета в разбомбленную, подвергающуюся обстрелам русской артиллерии столицу империи вертолет был разбит при бомбардировке аэродрома Рехлин. Одноместный «Фокке-Вульф» FW 190, грузовой отсек которого был перестроен для второго сиденья, должен дотянуть до Гатова. Ханна, которая должна управлять самолетом на последней фазе полета от Гатова к Имперской канцелярии, с помощью товарищей протискивается в заднюю часть фюзеляжа.

В течение тридцатиминутного полета до Гатова нужно в любое время считаться с возможностью атак советских истребителей, которые владеют воздушным пространством над Берлином. Но управляющий машиной фельдфебель уже не раз летал над окруженным Берлином и знает тактику русских. Без всяких происшествий он доставляет ее до цели. Внезапно он накреняет машину. В своей «темнице» Ханна думает, что их сбили, когда пилот с шумом почти вертикально пикирует вниз. Только перед самым аэродромом Гатов он выравнивает истребитель для посадки.

После многих напрасных попыток фон Грайму, наконец, удается установить связь с Имперской канцелярией. Адъютант повторяет, что Гитлер непременно должен поговорить с ним по важному делу. В то же время он сообщает ему, что все ведущие в город дороги и даже большие части Берлина уже в руках русских. Команда кажется почти невыполнимой. Все же, фон Грайм чувствует себя обязанным повиноваться. Он и Ханна решают рискнуть пролететь на Физелер Шторьх и приземлиться у

Бранденбургских ворот.

Первый «Storch» незадолго до старта поврежден артиллерийским попаданием. Второй и единственный оставшийся готов отправиться в путь только около 18 часов. Фон Грайм настаивает на том, чтобы управлять самолетом самостоятельно. Как в глухом предчувствии Ханна пробует еще перед стартом, через плечо фон Грайма дотянуться до рычага газа и рычаг управления — на всякий случай!

Машина летит на максимально низкой высоте. Земля под ней наполнена множеством русских танков и солдат. Убийственный огонь направляется на одинокий немецкий самолет. Попадания справа и слева, до тех пор, пока вдруг не раздается страшный треск. В то же самое время огонь вспыхивает рядом с двигателем. Грайм ранен. Бронебойный снаряд разбил его правую ногу.

Почти механически Ханна со своего сиденья хватает рычаг управление и ведет самолет с противозенитными маневрами. Фон Грайм моментально потерял сознание. Бензин вытекает из баков в крыльях. В любой момент машина может взорваться. Каждый раз, когда он просыпается из своего бессилия, фон Грайм посреди дальнейших попаданий с железной энергией пытается взять на себя управление. Теперь прежние тренировочные полеты Ханны над Берлином становятся ее спасением. С компасным курсом к бункеру ПВО она получает направление на ось запад-восток с Колонной победы. С почти пустым баком, она сажает самолет прямо у Бранденбургских ворот.

Часть 10: Последние дни

У входа в бомбоубежище Имперской канцелярии их встречает охрана СС. Она провожает генерал-полковника в операционный бункер для лечения. На лестнице к лежащему двумя этажами ниже «Фюрербункеру» их обоих, Грайм теперь лежит на носилках, приветствует госпожа Геббельс. С плачем она обнимает Ханну.

В «Фюрербункере» Гитлер приветствует их почти беззвучным голосом. Его тело сильно согнуто вперед, руки дрожат беспрерывно. Взгляд кажется стеклянным. Гигантская ответственность при постоянно увеличивающихся неудачах и инъекциях доктора Мореля, очевидно, сделали свое дело.

Теперь они узнают, почему Гитлер вызвал фон Грайма. Он чувствует себя преданным Герингом и лишает его всех постов. При одновременном присвоении звания генерал-фельдмаршала фон Грайм должен стать преемником Геринга. Ханна смотрит на неподвижное лицо нового фельдмаршала, губы которого сжаты от боли. Риттеру фон Грайму это назначение кажется фантасмагорией. Главнокомандующий ВВС без ВВС!

Ханна ухаживает за раненым фон Граймом. Свое свободное время она посвящает детям семьи Геббельс. Шесть прекрасных детских лиц в возрасте от

4 до 12 лет с любопытством смотрят на знаменитую летчицу. Она находит любовь братьев и сестер среди малышей захватывающей, и каждый из детей восхищает ее «своим естественным, умным и заинтересованным видом». Ханна рассказывает о своих полетах, она учит их петь тирольские и многоголосые песни. Грохот попаданий им не мешает. В своей, пожалуй, внушенной отцом детской вере они верят, что «дядя фюрер» победит врагов. «Завтра утром, если богу будет угодно, ты снова проснешься», поет Ханна, перед тем как пойти спать с малышами. И она боится себя спросить, проснутся ли они вновь.

В то время как снаружи на улицах Берлина бушует отчаянная борьба с многократно превосходящим противником, тесный круг вокруг Гитлера живет в мире фантазии. Все они еще надеются на чудо. Ханна и фон Грайм, которые знакомы с фактами агонии империи, чувствуют себя разделенными с отшельниками бункера с их иллюзиями.

Мощность советского артиллерийского огня возрастает с каждым часом. Русские пристрелялись по Имперской канцелярии. Под ураганным огнем бункер дрожит. Даже на нижних этажах штукатурка и пыль сыплются с потолков и стен.

На второй вечер ее пребывания в бункере Гитлер вызывает

Ханну в свой кабинет. Он кажется еще бледнее и еще сильнее раздавленным, чем раньше. Он объясняет ей, что он с Евой Браун добровольно уйдут из жизни, если надежда на деблокирование Берлина генералом Венком не осуществится. Тогда он приказывает Ханне доставить фон Грайма на предоставленном Ара-до 96 из Берлина в штаб гросс-адмирала Дёница в Плён. Сам он отказывается спасаться из агонизирующего города.

В больничной палате генерал-фельдмаршала он раскладывает карту. «Если удастся», говорит он, «с помощью бомбардировки уничтожить (советские) позиции на подступах к Имперской канцелярии, то мы можем выиграть минимум 24 часа времени и вследствие этого сделать возможным еще своевременное продвижение генерала Венка сюда…» До самого конца он не позволяет суровой действительности разрушить его идеалы.

Ханну и с трудом держащегося на костылях фельдмаршала полковник фон Белов провожает наверх. Едкие клубы дыма от пожара и серы, смешанной с пылью строительного раствора, окружают их, чем выше они поднимаются. Небо над Фоссштрассе — сплошное желто-красное море огня. Сквозь вой снарядов и треск попаданий, над руинами Фоссштрассе, им удалось добраться до центра управления полетами в Колонне победы, которая все еще в руках немцев.

Арадо стоит в защитном боксе. Каким-то чудом пилоту, тому самому, который прилетел с ними в Гатов, удалось посадить его под этим безумным огнем. Прекрасный летный результат! Втроем они должны стартовать в двухместном самолете. По последним данным еще около четырехсот метров не повреждены воронками от бомб и снарядов.

В коротком перерыве между постоянно исследующими улицу лучами прожекторов Арадо незаметно отрывается от земли. Но уже у Бранденбургских ворот русские замечают его. Град трассирующих пуль несется вслед немецкому самолету. Но и на этот раз удача не покидает Ханну. Они достигают спасительного слоя облаков. Потом небо снова ясное и залитое лунным светом. Под собой они видят блестящие серебристым отблеском озера Бранденбурга и — в резком контрасте к этой мирной картине — красное сияние горящих деревень. От Рехлина они после короткой паузы летят дальше к гросс-адмиралу Дёницу и оттуда дальше в Доббина к фельдмаршалу Кейтелю, всюду близко к земле, от леса к лесу, прыгая над живыми изгородями и заборами, чтобы ускользнуть от вражеских истребителей.

Ночью 30 апреля они узнают о смерти Гитлера. Риттер фон Грайм настаивает на том, что он должен прибыть к своим

войскам, которые находятся в Богемии. Но когда он просыпается в Кёниггреце после четырех дней бессознательного состояния с высокой температурой, он получает сообщение о предстоящей капитуляции. Он еще лежит в военном госпитале в Кицбюэле, когда туда входят американцы.

Для арестовавших его американцев солдатское понятие о чести — иностанное слово. Они обращаются с ним недостойным образом. Генерал-фельдмаршал Риттер фон Грайм, неустрашимый, прямой, безупречный немецкий офицер, выбирает добровольную смерть. Ханна Райч 15 месяцев остается пленницей американцев как «highly criminal person». Иногда с ней жестоко обращаются. Никакого следа приветливости 1938 года! Ее вина в том, что она горячо любила свою родину и до последнего мгновения смело выполняла свой долг.

Часть 11: Послесловие

Ханну Райч можно отнести к самым ответственным и самым жертвенным и мужественным образам женщин в немецкой истории. Повинуясь страсти к полетам, она и в довоенное время, и в течение последующих жестоких лет немецкой судьбоносной борьбы, была мужественным и неутомимым борцом за честь и свободу своей страны.

Ее жертва была не единственной, которые были принесены немецкими женщинами в горькие годы войны и после нее. Незабываемы тихий героизм женщин и матерей, убегающих сквозь ледяной мороз от зверского противника; их смелая выдержка под градом бомб вражеских террористических авианалетов; или их заслуги при последующем устранении обломков в разрушенных немецких городах.

Ханну Райч отличало ее участие в сфере, которая до тех пор оставалась прерогативой мира мужчин. Своими дерзкими полетами и испытаниями на службе отечеству она представляет собой тип, который существенно отличается от «карьерных» дам либеральной эры.

В ее жизни не было эгоизма, а была лишь служба общему делу. Не было стремления к счастью или ожесточенной борьбы за престиж и деньги, а было в наивысшей мере исполнение своего скромного, бескорыстного долга.